

Отправились мы однажды в деревню Дютьково. День был солнечный, но не жаркий. Шагалось легко. Вышли из дачи Рихтера на Николиной горе...

Почему собственно в Дютьково? Слава просто так никуда не ходил. Ему нужна была цель – старинный парк, церковь, монастырь. Сегодня у нас было целых две цели: Саввино-Сторожевский монастырь и дом-музей Танеева в Дютьково.

К Танееву в Дютьково заходил Толстой с Софьей Андреевной, влюбленной в Танеева. Как известно, реакцией Толстого на эту симпатию его супруги стала «Крейцера соната», в которой Лев Николаевич отомстил за свою поруганную честь. ...

Пошли по направлению к Звенигороду. Шли то по дороге, то по тропинкам вдоль узенькой и чистой Москвы-реки, натыкались иногда на голых дачниц и дачников. Это был мой первый пеший поход по Подмоскovie, я с любопытством глядел по сторонам и наслаждался прогулкой.

До скита мы дошагали без привалов. Побродили по Саввино-Сторожевскому монастырю на горе Сторожи. ... В те времена, когда мы там с Фирой гуляли, в монастыре все еще царил разруха. Мы полюбовались на старые церкви и дальше пошли.

Свернули в сторону Дютьково. Очутились в вековом лесу, спустились с горы в ложину, скрытую от солнца, как Берендеево царство, и внизу увидели нашу деревеньку. Разыскали музей. Это был большой деревянный дом с амбарным замком на двери.

Закрето! ... Слава не растерялся, пошел смотрительницу искать. Нашел и привел. Строгая женщина сжалилась над нами, узнав, что мы пришли пешком с Николиной горы для того, чтобы музей посетить. Открыла нам двери, потрясая связкой громадных ключей, оставшихся тут, наверно, еще со времен Танеева.

Внутри было просторно, свежо. Настоящих музейных экспонатов там не было. Стены были увешаны фотографическими портретами.

Мы с трудом узнали Толстого, Танеева. Висели на стенах и вырезанные из журналов картинки. Стали мы их разглядывать, смотрительница молча ходила за нами. Кого только они не повешали там. Вот Гилельс – с разворота древнего «Огонька», и еще раз Гилельс, Власенко, Оборин, Зак, Софроницкий, Клиберн, Клиберн, Клиберн, целый иконостас. На дворе конец семидесятых, а тут сотня Клибернов, которого уже все давно, казалось, забыли. Нет, не забыли, все еще любят в народе солнечного американского мальчика. И тут меня как молнией ударило. Славы-то тут нет! Мы все стены обшарили – нет Славы! Глянул я на Рихтера – а он зеленый. И смотрительница-тетка смотрит на нас подозрительно-насмешливо. Слава как-то быстро интерес к музею потерял. Мы вышли вон. Тетка опять с насмешкой вдогонку каркнула: «Что, больше не будете смотреть? Закрывать?»

Слава улыбнулся самой гадкой своей улыбкой. Какой – можно на известной фотографии посмотреть: Рихтер вручает Клиберну золотую медаль победителя первого конкурса Чайковского.

...

Предатели! Повесили всех, кроме Рихтера! Гилельс, Клиберн, Оборин, Софроницкий, и ВЛАСЕНКО! Когда Дютьково скрылось из виду, утонуло в ложине, Слава повернул ко мне свою мощную голову.

– Андрей, как Вы думаете, она узнала?

Такого вопроса я не ожидал.

– Ум-м-м?

Это означало повторение вопроса в сильном раздражении. Я пожал плечами. Узнала или нет? Вроде узнала.

– А еще эт-тот!

Слава смотрит на меня, тяжело дыша, как спортсмен после стометровки.

– Эт-тот, эт-тот, кучеряввый, ч-ч-чево он им дался?!

Ну да, Гилельс – это удар номер один, они его отжали в сторону, а он висит себе. Удар номер два – Клиберн. Это – нокдаун тяжелейший. Вот кого народ за окружной дорогой не по подсказке любит. И это – в пик рихтеровской славы! Все получил, а народ все равно любит американца. Удар номер три. Славы вообще нет на стене! Это глубокий нокаут. И еще маленький поджопник. Тетка либо не узнала, либо нарочно сделала вид, чтобы показать, что не везде он царь!

Так узнала или нет?